

Владимир Михайлов

Черные Журавли

*Часть сборника
Люди Приземелья (сборник)*

Владимир Михайлов

Черные Журавли

«Автор»

1963

Михайлов В. Д.

Черные Журавли / В. Д. Михайлов — «Автор», 1963

«Пространство было бесконечно. Обманчиво представляясь наивному глазу пустотой, на деле оно кипело сгустками, разрежениями и завихрениями полей, незримо изгибалось вблизи звезд и облегченно распрямлялось вдалеке от них, подобно течению, минуящему острова. В этой вечно изменчивой бескрайности корабль становился неуловимым...»

© Михайлов В. Д., 1963

© Автор, 1963

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	9
5	11
6	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Михайлов

Черные Журавли

1

Пространство было бесконечно.

Обманчиво представляясь наивному глазу пустотой, на деле оно кипело сгустками, разрежениями и завихрениями полей, незримо изгибалось вблизи звезд и облегченно распрямлялось вдалеке от них, подобно течению, минующему острова. В этой вечно изменчивой бескрайности корабль становился неуловимым.

Вытянутый и легкий, окрыленный выброшенными далеко в стороны кружевными конструкциями, он вспархивал – летучая рыба мироздания – над грозными валами гравитационных штормов, способных раздробить его, швырнув на невидимые рифы запретных ускорений. Он тормозился и разгонялся вновь, он окутывался облаком защитных полей – уходил, ускользал, увертывался – и продолжал свой путь, и его кристаллическая чешуя тускло отблескивала в рассеянном свете звезд.

Впрочем, пространство нередко бывало спокойным. Внутри же корабля покой царил почти всегда. Даже когда машина пробивалась сквозь внешний рукав субгалактического гамматечения, и стрелки приборов гнулись на ограничителях, словно пытаясь вырваться из тесных коробок и спастись бегством, а стремительные токи, перебивая друг друга, колотились в блестящих артериях автоматов, – даже в эти часы в рубке, салоне и каюте было тихо и уютно. Желтые и зеленые стены отбрасывали мягкий свет, а голубой потолок излучал веселое спокойствие. Такое спокойствие вошло в уверенную привычку двух человек, населявших корабль, потому что младший из них вряд ли догадывался, чем угрожали здесь бури, старший же представлял все очень хорошо, а спокойствие дается только одним из этих полюсов знания.

Казалось, была тишина. Приглушенный аккорд, слагавшийся из голосов множества приборов и аппаратов, которые обладали каждый своим тембром и высотой, более уже не воспринимался притерпевшимся слухом. Он проникал в сознание, лишь когда раздавался фальшивый звук, означавший внезапное изменение режима. Чаще всего такое изменение бывает связано с опасностью.

2

Один из приборов оборвал вдруг свое бесконечное «ля».

Он умолк, словно у него кончилось дыхание. Затем начал снова; но на этот раз вместо протяжной песни из узкой прорези фонатора просыпалась горсть коротких, рубленых сигналов. Как если бы прибору надоело петь, и он решил заговорить, еще не умея произносить слова. Торопливые звуки катились по рубке, из-за своей необычности сразу становясь слышимыми. Они набирали высоту и через несколько секунд уже достигли верхнего «до».

Эти несколько секунд были наполнены движением.

Сидевший в удобном кресле за ходовым пультом старший из двоих, казалось, дремал. Но реакция у него была великолепной. Младшему события вспоминались потом в такой последовательности: сначала капитан пригнулся, мгновенно став похожим на подбравшуюся перед взлетом хищную птицу – даже крылья, почудилось, шевельнулись за спиной, – и лишь в следующий миг раздался дробный сигнал. На самом деле, конечно, все произошло наоборот; но сделалось это так быстро, что немудрено было перепутать.

Еще через долю секунды, словно стремясь обогнать все более частую дробь, старший резко повернулся в сторону. Вращающееся кресло под ним коротко проворчалось. Капитан сделал неувовимо быстрое движение. Дверцы высокого шкафа, лицом к которому он сидел теперь, беззвучно распахнулись. За ними оказался экран и усеянная переключателями панель. Младший видел этот пульт впервые.

Руки капитана метнулись к пульту. Он не смотрел на пальцы, как не смотрит на них пианист. Пальцы жили сами. Похоже, каждый из них обладал собственным зрением и действовал независимо от других. Что они делали, понять было невозможно: пальцы шарили в гуще переключателей, и соприкосновение их с каждой кнопкой или тумблером было столь кратким, что взгляд младшего не поспевал за ними; длинные, сухие – они исчезали, чтобы вновь возникнуть в другом месте пульта.

Вспыхнул экран над новым пультом, и еще несколько, раньше тускло серевших на переборке. В разладившийся аккорд вплелись новые звуки; тембр их был неприятен. По кораблю волной прошла характерная дрожь: включились дельта-генераторы. Зажглись индикаторы; их свет, сначала тускло-красный, быстро усиливался, как если бы за круглыми стеклышками разгоралось жаркое пламя, и вскоре стал ярко-оранжевым, яростным и веселым. На обзорных экранах можно было заметить, как за бортом, дрогнув, медленно повернулись решетчатые шары, далеко разнесенные на концах ферм. Еще что-то защелкало; блестящие титановые цилиндры поднялись с боков пульта и остановились, подрагивая, а в круглом окошке ниже экрана тронулся и завертелся, все убыстряя вращение, небольшой черный диск, издававший низкое, едва доступное слуху гудение. За это время младший, придя в себя, успел только раскрыть рот, чтобы задать естественный вопрос. Но старший, по-видимому, и впрямь обретая способность предугадывать события, в тот же миг, не оборачиваясь, прошипел: «Тише!» – и младший осторожно, миллиметр за миллиметром, сомкнул челюсти, словно боясь стукнуть зубами. Капитан же, моментально забыв о своем спутнике, снова впился взглядом в мерцающий круг экрана. Правая ладонь его лежала на большой красной рукоятке, и вены проросли под кожей, как если бы сжимать эту рукоятку было непосильным трудом.

Полминуты прошло в молчании и неподвижности. Внезапно напряжение спало, старший тяжело распрямился и медленно, с усилием, снял руку с рычага. Одновременно что-то промелькнуло в поле зрения видеоустройств – чиркнуло по экрану и исчезло. Старший длинно вздохнул. Голос поднявшего тревогу прибора начал понижаться, дробные сигналы, соединяясь краями, снова превратились в протяжное «ля». Индикаторы погасли, блестящие цилиндры ушли в панель. Старший медленно повернул кресло и встал. Глядя прямо перед собой, он

пересек рубку – шаги глухо ударили в пол – и вышел, не сказав ни слова. Дверь уже захлопнулась за ним, когда распахнутые створки непонятого пульта сдвинулись с места и через миг сошлись с мягким щелчком.

Тогда поднялся младший и тоже направился к выходу.

3

Он вышел в широкий коридор, где налево была каюта, направо – салон, а дальше тянулись узкие дверцы генераторных и приборных отделений.

Младший подошел к двери, за которой была каюта.

Остановившись, он прислушался. За дверью раздавались непонятные звуки.

Эти звуки были песней, такой старой, что можно было лишь удивляться тому, что она не рассыпалась от ветхости. Как видно, лишь память немногих долгожителей еще скрепляла вместе ее ноты. В первое мгновение молодому показалось, что поет капитан. Но голос умолк, прозвучала вкрадчивая медь, и стало ясно, что это запись.

Младший постучал. Ему не ответили. Он толкнул дверь. Она оказалась не запертой, и он вошел. К нему лицом сидел незнакомец, положив локти на стол и упершись кулаками в виски. Это был очень старый человек, глаза его выдавали усталость: не преходящее утомление часов или дней, но изнеможение лет. Кожа лица собралась морщинами, углы искаженного гримасой рта были опущены.

В следующее мгновение старец поднял взгляд. За взглядом протянулась и рука, а губы, гневно искривившись, выговорили:

– Вон!

Младший не понял, оглянулся.

– Выйдите вон!

Тогда младший уразумел: он повернулся и вышел вон, краснея от стыда, бессилия и гнева. Затворяя дверь, он невольно вновь оказался лицом к каюте. Как раз в этот миг старец снова стал капитаном: с натугой, как будто бы даже со скрипом мускулы его лица собрались и застыли в обычном, бесстрастном и вежливом выражении.

Младший, тяжело дыша, вошел в салон и бросился на диван. Хотелось плакать, но он стал размышлять.

Это было примерно одно и то же, потому что размышления сейчас приводили к самым плачевным выводам.

Все оказалось зря. Начиная с того разговора на Земле.

4

Ему сказали тогда:

– Единственная возможность для вас – отправиться со Стариком.

– С каким стариком? – не понял он.

– Есть лишь один Старик.

Он сообразил и сказал только:

– О-о!

– Да. Его корабль оснащен нужной вам дельта-аппаратурой до мыслимого предела. Больше мы вам ничем помочь не можем. Если согласны, приходите завтра с утра. Старик посетит нас, и мы поговорим.

Собеседник так и выразился: посетит. А тон его голоса и выражение лица свидетельствовали, о том, что в согласии Старика он вовсе не уверен.

Старик казался вовсе не старым – тогда. Взгляд его светлых глаз был внимателен, шершавая кожа гладко облегла худые щеки, подбородок и шею, а движения отличались точностью. Собралось много людей, и они говорили сразу.

– Нет, – сказал Старик, слушая кого-то. – Разве что чаю.

Голос его был негромок и глуховат.

– Да, – повернулся он в другую сторону. – Полагаю, что Гарден справился с этим неплохо. Я? Нет, до его точки я дойду в надпространстве. Дальше пойду нормально.

Потом кто-то спросил его:

– А как ваши журавли?

Старик отпил глоток почти черного чая, на миг прикрыл глаза и ответил:

– Никак.

Голос его нимало не изменился. И все же ответ был подобен удару топора: по-видимому, разговор коснулся чего-то, что Старик не хотел затрагивать.

Когда ему рассказали о просьбе младшего, он возразил:

– При чем тут я? К Службе Новых касательства не имею.

– Он вам не мешает.

– Это не довод, – сказал Старик и повернулся к младшему.

– Это он? Что вас интересует помимо Новых?

– Ничего, – ответил молодой.

– Хорошо, – сказал Старик. Таким же тоном он мог бы сказать и «плохо». Затем помолчал и наконец проговорил:

– Обещать ничего не могу.

– Но лететь он может?

– Пусть летит.

Он полетел. И несколько истекших месяцев полета завершились сегодня тем, что Старик выгнал его из каюты.

Кстати, это было, пожалуй, единственное, достойное внимания событие, случившееся с ним за все время. Старик, руководствуясь какими-то, одному ему ведомыми соображениями, забирался все дальше в бесперспективную, с точки зрения науки, пустоту. Для достижения известной цели полета – для выяснения возможностей использования дельта-поля в качестве одного из защитных средств при выходе из локальных искривлений пространства, являющихся проекцией надпространственных процессов (так дремуче задача была сформулирована на Земле), – удаляться на такое расстояние вовсе не следовало. К тому же задача эта, по сути дела, была уже выполнена. Старик достиг своей цели; казалось бы, самое время приступить к решению другой задачи, ради чего и летел младший. Но Старик словно забыл об этом.

Кроме всего прочего, он, как оказалось, обладал способностью не слышать того, что ему услышать не хотелось, а также подолгу молчать. Их редкие разговоры прерывались на полужестком и могли возобновиться с полуслова.

А сегодня Старик его выгнал. Выгнал за то, что младший увидел его таким, каким не должен был видеть командира корабля. И за то, что младший понял: почтительное слово «Старик», которым звездолетчики именовали этого человека уже очень давно, не служило более одним лишь знаком уважения, а было теперь и признанием факта.

Это было очень плохо. Потому что теперь становилось ясным, по какой причине Старик пропускает мимо ушей все намеки по поводу Новых. Для выполнения задачи, стоявшей перед младшим, нужно было вести корабль на минимальном расстоянии от безумного пламени Новой, когда вся система защиты будет на пределе; вести не день, не два, а много дней – пока не удастся произвести все необходимые наблюдения и измерения. Это было под силу лишь немногим. Старик, чьи следы запечатлелись в пространстве, учебниках и легендах, мог решиться на это.

Просто же старый человек понимал, вероятно, что время таких экспериментов для него прошло. Вывод следовал один: весь полет затеян зря.

И теперь оставалось...

Что оставалось, молодой не успел додумать. В дверь постучали. Сжав зубы, он промолчал. Постучали еще раз, и он – против своей воли – ответил.

Дверь распахнулась, и вошел Старик.

5

– Я пришел принести извинения, – сказал Старик, остановившись посреди салона.

Младший поднялся с дивана, секунду они стояли друг против друга. Внимательный взгляд Старика словно бы впервые проследовал от замысловатых, последнего фасона, сандалий – по светлому спортивному костюму, по лицу, покрытому густым, еще земным загаром, и в конце концов остановился на голубых глазах.

– Хотя, – продолжал Старик, – должен вам сказать, на кораблях не принято входить к капитану, не получив на то разрешения.

– Я хотел... – тихо проговорил младший.

– Я понимаю, – прервал его Старик, и в голосе его младшему почудилось предостережение. – У вас возник вопрос, который вы хотели разрешить незамедлительно. Я не ошибся?

Итак, предлагался мир – на том условии, что он забудет все, увиденное в каюте. Альтернатива миру была такой, что о ней не хотелось и думать.

– Я за этим и шел, – тихо проговорил младший.

– Это меня радует. О чем вы хотели спросить? Пожалуйста. Я понимаю, что вспылит тогда некстати.

– Годы... – проговорил младший, потому что так и подумал в этот миг: годы. А скрывать мысли ему до сих пор не приходилось. И тут же он моргнул, ожидая взрыва.

Взрыва не последовало.

– Годы – ерунда, вздор, – сказал Старик. – Забудьте это понятие, уважаемый – м-м?

– Игорь, – напомнил младший.

– Уважаемый Игорь. Люди умирают от разочарований, а не от времени. Ставьте себе меньше целей – и у возраста не будет власти над вами.

Он искоса взглянул на собеседника и усмехнулся, заметив его удивленное лицо.

– Я сказал «меньше целей», а не «меньшие цели». Но и одна цель может быть достойной десяти жизней. У меня цель одна.

Он помолчал.

– Но, правда, мелкие разочарования случаются. Итак, что вас интересовало?

– Этот пульт. Вы давно разрешили мне ознакомиться со всем дельта-оборудованием корабля, и я сделал это. Но об этом пульте – для чего он, чем управляет – я ничего не знаю.

– Разрешите присесть? – вежливо спросил Старик.

Игорь покраснел и растерянно повел рукой.

– Благодарю. Кстати, надеюсь, вы не в обиде на то, что приходится жить в салоне: каюта у нас одна, и я к ней привык.

Игорь постарался улыбнуться как можно естественнее.

– Чудесно. Итак, этот пульт: вас удивило, что вы о нем ничего не знаете...

Старик помедлил.

– А что вы знаете вообще об этом корабле? И обо мне?

Он ждал ответа, но Игорь молчал. В самом деле, что знал он, кроме обрывков легенд?

6

Рассказывали, что человек, впоследствии названный Стариком, еще в юности ушел в свое первое путешествие, и до сих пор так и не возвратился из него. Во время месячных и даже годовых перерывов между полетами он все равно, как уверяли, жил мыслью в космических исследованиях, и на Земле ему, наверное, снились звездные сны.

Он был испытателем. Если еще в раннеисторическую старину испытатели самолетов являлись инженерами, то испытатель звездного корабля неизбежно становился ученым. Люди эти часто улетали в одиночку на все более стремительных машинах; в одиночку – потому что допускалось рисковать множеством автоматов, но никак не людей.

Они улетали и возвращались, а иногда и не возвращались. Старик возвращался, и два раза – не в одиночку; спасенным испытателям он отдавал свою каюту, но приближаться к пультам им не разрешал. Каждый раз он привозил все больше наблюдений и данных – в памяти своей и электронной, в записях фоно- и видеокатушек. И привозил все меньше слов. Похоже было, что он отдавал их пространству в обмен, на знание.

Между вылетами и возвращениями проходило время. Когорта испытателей редела. Это вовсе не значило, что люди погибали: просто из корабельных рубок они пересаживались в лаборатории. Задача электронного моделирования пространства в один прекрасный день оказалась решенной – при немалой, кстати, помощи Старика. Корабли стали испытывать еще в процессе разработки. А Старик упорно продолжал летать. Он мог давно уже осесть на Земле: скитаясь в космосе, он к сорока годам стал не просто ученым – он сделался очень большим авторитетом в области космофизики. Примерно тогда его и стали называть Стариком. Узнав об этом, он уже совсем было спустился со своих причудливых орбит. Но после вылета, который должен был стать для него прощальным, Старик больше не заговаривал об уходе. Возможно, причина заключалась в том, что летело в тот раз два корабля, и один из них погиб.

Старик сказал, что будет летать до конца: пространство еще полно тайн, оно – его лаборатория. Ему оставили корабль, последний из испытанных им; после этого он получал корабли еще не раз: они старились куда быстрее, чем он. И все же...

И все же, с тех пор прошло немало лет. Старик летал, многое находил, и новые легенды роились вокруг его имени.

Но все эти хроники и басни остались за бортом корабля. А сам Старик находился тут, в салоне, и выжидательно смотрел на Игоря.

– По сути дела, – сказал Игорь после долгого молчания, – я ничего не знаю. Да, я не знаю. А вы обо мне? Хоть что-нибудь?

Старик усмехнулся.

– Кое-что – во всяком случае, – сказал он.

Игорь проследил за его взглядом: Старик смотрел на маленький столик, где рядом с иннерфоном... Игорь покраснел.

– Кроме того, – продолжал Старик, – не знаю, должен ли я даже пытаться выяснить хоть что-либо, пока вы сами не сочли нужным...

Игорь пожал плечами.

– Обо мне пока просто нечего узнавать. Не успел добиться ничего такого, а в какие игры я играл в детстве, вас вряд ли интересует.

– Не совсем так. Человека характеризует и то, чего он хочет добиться.

– Чего хочет...

Игорь помолчал. Говорить о том главном, чего хочешь, легко лишь тогда, когда уверен в доброжелательном отношении слушателя. Встретят ли его идеи такое отношение? А если Старик, являющийся, как-никак, авторитетом, просто рассмеется? Бывают люди, которых непри-

ятие лишь подзадоривает, придает им духу, но случается и наоборот. Игорь опасался, что у него получится наоборот.

А впрочем – не этого ли разговора все время добивался он сам? И не думал же он, в самом деле, что Старик направит корабль куда-то, даже не зная зачем!

– Я хочу многого, – признался он. – Служба Новых ставит своей конечной целью научиться прогнозировать вспышки этих звезд с достаточной точностью. Теперь, когда мы заселяем все новые системы, важность задачи возрастает.

– Благородная цель, – кивнул Старик.

– Все, что мы знали до сих пор, помогало лишь в частных случаях. Общего решения проблемы у нас нет.

– И вы надеетесь его найти?

В голосе Старика была одна лишь доброжелательность.

– Я подумал, что ключом к решению проблемы могло бы послужить более тщательное изучение дельта-процессов в Новых. Хотя, как вы знаете, дельта-поле является близкодействующим и, например, дельта-излучение нашего Солнца едва уловимо уже на орбите Земли, все же при вспышках Новых всплески этого поля, хотя и очень слабо, улавливаются даже в Солнечной системе, несмотря на относительно большие расстояния.

Старик кивнул, подтверждая, что это ему известно.

– И вот, если бы удалось получить характеристики дельта-излучения Новой, находясь недалеко от нее, чтобы свести ошибку до минимума, и сравнить полученные значения с предвычисленными на основании теоретических построений, то мы получили бы возможность судить о том, не начинает ли напряженность дельта-поля возрастать в звездах задолго до вспышки. Не является ли это возрастание той причиной, которая...

– Я понял, – перебил его Старик. – Благодарю.

Он сделал паузу... Игорь ждал продолжения.

– А еще? Обычно исследователи в вашем возрасте, кроме основной задачи, ставят перед собой еще и, так сказать, сверхзадачу. Ведь в глубине души все мы в молодости – гении. Точнее, особенно в молодости. А вы?

Поколебавшись, Игорь решил.

– Дельта-поле – основной инициатор жизни, – сказал он. – Поэтому мы обнаруживаем жизнь, как правило, на близких к светилам планетах. Но почему бы под влиянием сверхмощного поля, как в случае Новых, жизни не зародиться прямо в околозвездном пространстве?

– Теперь я понимаю, – сказал Старик. – Значит, это и есть те научные причины, которые побудили вас отправиться со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.